

В.Л. Коровин

**ОБ ОДЕ Г.Р. ДЕРЖАВИНА «СЛАВА» (1810)
И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИХ
И РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДАХ
НАКАНУНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.**

Аннотация

Ода «Слава» входит в цикл духовных од Державина 1810 г. («Надежда», «Идолопоклонство», «Добродетель», «Истина»). Она направлена против Наполеона и текстуально перекликается с деловой запиской Державина «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» (1810). В обоих случаях он убеждает Александра I ограничиться обороной империи и отказаться от новых территориальных приобретений, апеллируя при этом к истории – к Плутархову жизнеописанию Александра Македонского. В статье также отмечается аллюзия на оду «Слава» в «Певце во стане русских воинов» В.А. Жуковского.

Ключевые слова: позднее творчество Державина, духовные оды, Библия, Александр I и Наполеон, Плутарх, Александр Македонский, Отечественная война 1812 г., В.А. Жуковский.

Korovin V.L. On Derzhavin's ode «Glory» (1810) and his political and religious views on the eve of the Patriotic war of 1812

Summary. Ode «Gloria» was included in the cycle of Derzhavin's spiritual odes 1810 («Hope», «Idolatry», «Virtue», «Verity»). It is directed against Napoleon and the text resonates with Derzhavin's business note «The dreams of the economic organization of the military forces of the Russian Empire» (1810). In both cases, he convinces Alexander I to limit defense of the Empire and to refuse the new territorial acquisitions, calling for history, to Plutarch's the biography of Alexander the Great. The article also notes the allusion to the ode «Glory» in «The Singer in the Camp of Russian Soldiers» by V.A. Zhukovsky.

Ода «Слава», написанная Державиным 24 июня 1810 г.¹, впервые была опубликована во время Отечественной войны в августе 1812 г.² и оказалась первым его выступлением в печати после вторжения Наполеона в Россию. Потом она еще дважды перепечатывалась при жизни поэта³, входила в посмертные собрания его сочинений⁴ вплоть до «гrotовского», но после этого уже никогда не переиздавалась и не вызывала интереса исследователей. Между тем эта ода заслуживает отдельного внимания хотя бы потому, что именно на нее, скорее всего, намекал В.А. Жуковский, обращаясь к Державину в «Певце во стане русских воинов», создававшемся в октябре 1812 г.:

*О старец! Да услышим твой
Днесь голос лебединый;
Не тщетной славы пред тобой,
Но мщениа дружины;
Простерли не к добычам длань,
Бегут не за венками –
Их подвиг свят: то правых брань
С злодейскими ордами⁵.*

Автор здесь как будто убеждает старшего поэта, что русские воины достойны похвалы, хотя тот нуждался в этом меньше, чем кто бы то ни было. Очевидно, перед нами аллюзия на многочисленные у Державина поэтические высказывания о тщетности земной славы (его подражание 48-му псалму так и озаглавлено: «На тщету земной славы», 1796), а конкретно – на оду «Слава», являющуюся его последней публикацией ко времени сочинения «Певца во стане русских воинов». Вне зависимости от того, как понимать смысл этой аллюзии (как скрытую полемику или, напротив, как апелляцию к моральным принципам автора «Славы») и догадывался ли Жуковский, что ода была написана за два года до войны, ясно, что он расценил ее как не вполне соответствующую моменту и ждал, когда Державин прямо откликнется на текущие события.

Это произошло очень скоро: в том же октябре 1812 г. отдельной брошюрой вышла его ода «На парение орла», а в начале января 1813 г. – огромный (646 стихов) «Гимн лироэпический на прогнание французов из отечества»⁶. В них Отечественная война получила нравственную и религиозную оценку. Оправдывая «пути

Господни»⁷, Державин утверждал веру в Божественное правосудие и неизбежность победы «агнца» над «змием» («кротости» – над «коварством»)⁸ и предрекал окончательное падение Наполеона и славу Александра I как умиротворителя Европы.

Ода «Слава», в которой противопоставлены не названные по имени незаконный завоеватель и «добрый царь», имела антинаполеоновскую направленность и может рассматриваться в качестве некоего пролога к стихотворениям Державина об Отечественной войне 1812 г. с их духовной и политической проблематикой. Вместе с тем она была написана в совершенно других обстоятельствах и связана в первую очередь с думами и заботами поэта в 1810 г., с его одновременными ей произведениями.

* * *

«Слава» относится к циклу духовных од Державина, сочиненных на Званке летом 1810 г.: «Надежда. К Ф.П. Львову» (15 июня), «Идолопоклонство» (27 июня), «Добродетель» (12 июля), «Истина» (21 июля) и четыре подражания Л. Козегартену – «Тоска души» (27 июня или июля?), «Явление» (28 июля), «Предвестие» (29 июля) и «Проблеск» (6 августа)⁹. Все они – в другом порядке – вошли в пятую часть «Сочинений» Державина (1816).

«Слава» и «Идолопоклонство», написанные с интервалом в два дня (24 и 27 июня), выделяются в их ряду наличием эпитафий из Священного Писания, а также заметных (хоть и завуалированных) намеков на политическую злобу дня. В особенности это касается «Славы». В ней поэт с самого начала обращается не к простым смертным, а к «царям»:

*Еще ль, цари, вам имя громко
Быть мнится славою прямой?
Еще ль, мудрецы, ее ты только
Чтешь дыма блещущей струей?
Признайтесь, – ваша мысль неправа;
Уверьтесь истины в словах:
Бессмертная, прямая слава
Есть цепь цветущих вечно благ (III, 47).*

«Мудрец», советуя презирать любую славу, с точки зрения поэта, неправ, поскольку лишает человека сильнейшего побудительного мотива для деятельности на благо других людей. И он вдвойне неправ по отношению к царям, которые не могут и не должны безразлично относиться к мнению своих подданных, довольны они их правлением или нет, прославляют их или ненавидят. Другое дело, что «громкое имя» (историческая известность) еще не есть «прямая слава» (заслуженное одобрение современников и потомков). Ода Державина как раз и учит тому, что их следует различать.

«Слава» состоит из 14 восьмистишных строф и композиционно делится на две части: ровно по 6 строф (кроме вступительной и заключительной) отведено ложной славе и славе подлинной. Переход осуществляется в восьмой строфе:

*Но и хранящий строги нравы,
Угрюмый доблестию муж,
Не отрешай совсем чувств славы
И ты от любочестных душ.
Всем смертным славолюбье сродно,
Различен путь лишь и предмет... (III, 49)*

Известно, что мысли о славе человеческих деяний, в особенности посмертной, часто занимали Державина, в том числе мысли о собственной славе как поэта (достаточно вспомнить его «Памятник», 1795). И он то рассуждал, в чем состоит истинная слава (честь, величие, бессмертие в памяти потомков), то сокрушался об увядании земной славы от времени, об ее тщете перед лицом вечности (в этом не было большого противоречия, поскольку мысли о посмертной славе у него сопрягались с верой в бессмертие души и загробное воздаяние). Поэтические суждения о славе находятся во множестве его стихотворений – от ранних «Читалагайских од» (среди них в особенности ода «На великость») до последних стихов «Река времен в своем стремленьи...»¹⁰ От оды с названием «Слава» можно было бы ожидать каких-то обобщений на эту тему, но посвящена она лишь одному определенному ее аспекту. О славолюбии, присущем всем смертным, и о различных путях к славе Державин здесь только упоминает, а на самом деле говорит *исключительно* о славе правителей и царей.

Ложной в оде показана слава завоевателя и «тирана», истинной – слава «добротого царя». В этих обобщенных образах легко узнаваемы демонизированный Наполеон и идеализированный Александр I:

*Что ж хвалишься во злобе, сильный,
Внутри беззаконием и вне,
Коль ты, чрез слезы крокодильны,
Чрез токи крови на войне,
Чрез вероломства, бунты, яды,
Чрез святотатну неба честь,
Поверг престолы, храмы, грады
И мог царей всех выше сесть?
<...>
Возьмем же, в противоположность
Тирану, добротого царя,
Всю истоцившего возможность,
Блаженство подданных творя:
Не зрим ли Гения в нем неба,
Блестяща радуги лучем,
В том – мрачна демона Эреба?
Тот сыплет свет, – сей вержет гром (III, 47, 50).*

Слава завоевателя обманчива, поскольку следующая за ним при жизни тайная ненависть побежденных после смерти обернется открытым поношением. И напротив, мирная слава царя, заботящегося о благе подданных и правящего с «кротостью» (которая упоминается почти во всех посвященных Александру I стихах Державина, начиная с сочиненного к его коронации «Гимна кротости», 1801), со временем только умножится, а кроме того, она больше по сердцу поэту:

*Виждь: тайно, мрачно днесь вздыханье
Вслед ходит всюду за тобой;
А завтра клятвы, восклицанье
На гроб твой гром повергнут свой. –
Кто ж замыслы исполнит страшны,
Чем мир поработит мнил весь?
Где блеск, где звук, где пышны брашны?
Ты был – и нет, – твой слух исчез!¹¹*

<...>

...Но польз творцу чрез кротость, честность

Звучней всех плеск принадлежит.

Отец семейств, законодатель,

Забрало от татей, коварств,

Сохи, серпа изобретатель –

Бича славней, по правде, царств.

<...>

Гнусна убийц народов слава;

Я тихой дорожу молвой... (III, 48, 50)

Нельзя сказать, что в целом эти рассуждения слишком оригинальны. В.Г. Белинский имел некоторые основания назвать «Славу» в числе тех «резонерствующих од» Державина, в которых «все мысли столько же справедливы, сколько и стары и общи: их можно найти у любого плохого стихотворца того времени»¹². Кроме того, эти «мысли» не новы и у самого Державина: они повторяются во многих его сочинениях, в том числе хрестоматийно известных. Ср.: «И славно ль быть тому тираном, / Великим в зверстве Тамерланом, / Кто благостью велик, как Бог? // Фелицы слава – слава Бога, / Который брани усмирил; / Который сира и убога / Покрыл, одел и накормил...» («Фелица», 1782; I, 146); «Блажен, когда, стремясь за славой, / Он пользу общую хранил, / Был милосерд в войне кровавой / И самых жизнь врагов щадил: / Благословен средь поздних веков / Да будет друг сей человеков! / Благословенна похвала / Надгробная его да будет, / Когда всяк жизнь его, дела / По пользам только помнить будет; / Когда не блеск его прельщал / И славы ложной не искал! <...> Не лучше ль менее известным, / А более полезным быть...» («Водопад», 1791; I, 471–472); «Но ты, о зверских душ забава! / Убийство! – я не льщусь тобой, / Батыев и Маратов слава / Во ужас дух приводит мой; / Не лучше ли мне быть забвенну, / Чем узами сковать все-ленну? <...> Мне добрая приятна слава; / Хочу я человеком быть...» («Мой истукан», 1794; I, 609–611).

Примеры, подтверждающие, что в оде «Слава» Державин переложил на новый лад то, что прежде уже неоднократно высказывал, нетрудно умножить. Вопрос в том, с какой целью он это сделал в данном случае? И почему ограничился не самым душеполезным для простых читателей рассуждением о славе венценос-

цев, притом прозрачно намекая на Александра I и Наполеона и подчеркивая их антагонизм, хотя формально они тогда были союзниками? Ответ на это кроется в историческом и биографическом контексте оды.

* * *

В июне 1810 г. через Великий Новгород проезжала великая княгиня Екатерина Павловна со своим новым супругом герцогом Ольденбургским. По этому случаю Державин тогда же сочинил стихотворение «Шествие по Волхову российской Амфитриты» (Ш, 37). При дворе она возглавляла консервативную партию противников реформ М.Н. Сперанского, которой поэт горячо сочувствовал, а также была особенно враждебно настроена против Наполеона, в том числе по личным мотивам: осенью 1808 г. он делал предложение о браке с нею, возмутившее русскую общественность и, в частности, побудившее Державина сочинить в 1809 г. трагедию «Евпраксия», в которой хан Батый домогался руки русской княжны¹³.

Весной 1810 г. Наполеон, после вторичной безуспешной попытки породниться с российским императорским домом (вторично он сватался к великой княгине Анне Павловне), заключил брак с австрийской принцессой, и отношения его с Александром I стали все больше портиться. Противники Тильзитского договора 1807 г. (в их в числе был и Державин) надеялись, что навязанные Наполеоном соглашения и союз с ним будут разорваны, и к середине 1810 г. эти надежды окрепли. В то же время Наполеон, казалось, находился на вершине своего могущества. В мае и в июне 1810 г. русские журналы сообщали о победах французов в Испании, о торжествах в разных частях Европы по случаю брака французского императора и т.п.¹⁴ Все это не могло не беспокоить Державина, который видел в Наполеоне угрозу для России (и не напрасно, как показало время). Как человек государственный, хоть и давно отставленный со службы, он, конечно, имел свои соображения о том, что сейчас следует делать Александру I, и искал способы довести их до его сведения. Визит Екатерины Павловны в Новгород представлял удобный для этого случай.

Скорее всего именно ко времени этого визита, к июню 1810 г., Державин подготовил на высочайшее имя проект «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» (VII, 439–464), в котором предлагал переорганизовать вооруженные силы и сделать определенные «генеральные распоряжения». В целом эту записку Я.К. Грот датировал 1807–1810 гг., но предисловие к ней – 1810 г., поскольку на полях его черновой рукописи упоминается издание «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха в переводе С.Ю. Дестуниса, вышедшее в 1810 г. (VII, 440)¹⁵.

Это предисловие текстуально перекликается с написанной 24 июня 1810 г. одой «Слава».

Предваряя свои конкретные предложения о принципах комплектования армии, ее снабжении и т.п., Державин красноречиво доказывал, что Александру I следует оставить экспансионистские замыслы и при переустройстве военных сил думать исключительно об укреплении обороны империи. Он убеждал императора, что России не нужны новые территориальные приобретения, что все уже сделано его предшественниками на троне, что ему «остается... только утвердить сие обширное здание непоколебимыми столпами», предупредив «ненасытных кровопийц, каковы суть Бонапарты, честолюбивые и дальновидные замыслы повелевать Европою или всем светом» (VII, 442). В то время когда к России только что (в 1809 г.), с одобрения Наполеона, была присоединена Финляндия и шла русско-турецкая война, такие суждения являлись выражением оппозиции правительству и звучали довольно остро. Желая убедить царя в своей правоте, Державин апеллировал к урокам мировой истории. С этого и начинается предисловие к «Мечтам о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи»:

«Прочитывая историю и видя в ней, с одной стороны, непрерывные тяжкие брани, подвиги завоевателей, а с другой, опустошения не токмо многих городов и стран, но и целых империй, приходит мне на мысль спросить сих бичей человечества: какой предмет или цель они имели в их предприятиях, проливая кровь себе подобных и делая толь бедственные опустошения? Ежели бы они мне ответствовали: отмстить противнику своему, распространить свою славу, распротерть свое владычество и, наконец, учинить счастливыми своих подданных, – проходя

происшествия вселенныя, едва ли я вижу кого из них достигших до исполнения своих желаний» (VII, 440).

В качестве самого поучительного (и единственного в этом тексте) исторического примера он приводил судьбу Александра Македонского и его державы. Образ самого прославленного из завоевателей дал Державину повод к рассуждению о ложности их славы и тщетности затраченных ими усилий и принесенных жертв:

«Слава пагубою и злодеяниями не приобретается, но проклятие; владычество никогда усилием приобретаться не может; ибо истинная власть состоит в покорении сердец и воли человека благодеяниями, и потому владычество победителя было и всегда будет суетно и недолговременно. Коль скоро дух из него вылетит, то и оковы его разрываются. Многим владеть и не пользоваться им благоразумно и порядочно, совершенная глупость. Это тот Тантал, который в море стоит, которого и напиться не может. <...> А сверх того: что усилием приобретено, то всегда готово к отторжению. Убедительнейший сему пример видим на самом просвещеннейшем завоевателе: коль скоро его не стало, то пространнейшая его монархия тотчас расхищена и разделена <была> на многие царства его полководцами; из чего произошли новые брани и новые несчастья народов. К чему и для чего подъяты были Александром Великим все подвиги? Поистине, ни к чему¹⁶» (VII, 440).

По мнению Державина, российский император сейчас находится в наивыгоднейших обстоятельствах и может стяжать истинную славу благодетеля для своего народа и миротворца для народов Европы. Для этого нужно отказаться от мыслей о расширении границ и сделать такие распоряжения,

«...которые бы обеспечивали на долгие времена целость империи <...> и представили бы ее таким великаном, который без войны был страшен свету и содержал бы равновесие в руке своей, а паче междоусобием в крови своей утопающей Европы, бы<л> царств посредником, или паче миротворцем. Вот прямая слава кроткого Александра. Дух его народа и доброта души его на такой чреде, что могут они стяжать ему славу Александра, но не великого победами, а богоподобного миром вселенныя или, по крайней мере, Европы! Что несравненно лучше и величественнее, нежели титла всех императоров, и всех победителей вселенныя» (VII, 441).

В оде «Слава» Державин также апеллирует к урокам истории, преподаваемым человечеству самим Творцом и Промыслителем мира. Именно таков смысл предпосланного оде эпитафия: «*День дню отрыгает глагол, и ночь ночи разум*» (Пс 18:3). Псалом, откуда взят этот стих, Державин ранее переложил под заглавием «Доказательство Творческого бытия» (1796): «Небеса вещают Божью славу, / Рук Его творенье твердь; / День за днем течет Его уставу, / Нощи ночь приносит весть» (I, 726–727).

В оде под «завоевателем» подразумевается в первую очередь Наполеон, но в принципе это фигура обобщенная, вполне логично наделяемая и чертами из жизнеописания Александра Македонского. Одна из них взята из только что прочитанного Державиным Плутарха в переводе С.Ю. Дестуниса:

*Почто явишь в себе Тантала
И ловишь мнимой славы тень?
На то ль, чтоб о тебе сказала
Слов несколько афинска чернь?* (III, 48)

Эти строки прямо отсылают к рассказу Плутарха о тяжком и бесплодном походе Александра в Индию, когда он в сердцах воскликнул: «Поверите ли вы, афиняне, каким опасностям подвергаю себя, дабы заслужить похвалу от вас?»¹⁷ (сравнение же завоевателя с Танталом использовано в приведенном выше отрывке из предисловия к «Мечтам о хозяйственном устройстве...»).

К «Сравнительным жизнеописаниям» в оде есть как минимум еще одна отсылка. Так, в строках «И в бочке циник благородно / Велел царю не тмить свой свет» (III, 49), очевидно, подразумевается пересказанный Плутархом эпизод с Диогеном, попросившим Александра не заслонять ему солнца. В предисловии к «Мечтам о хозяйственном устройстве...» также есть отсылки к конкретным эпизодам написанной Плутархом биографии Александра (например, о его отношениях с индийским царем Пором, см.: VII, 440). Наличие аллюзий на один и тот же текст греческого историка в совершенно разных по жанру оде и деловой записке 1810 г. только естественны, поскольку в обоих случаях речь идет об уроках истории и развиваются сходные мысли.

И в оде «Слава», и в предисловии к «Мечтам о хозяйственном устройстве...» Державин усиливался доказать, что история

учит, а Закон Божий требует от царей избегать «гнусной славы» «убийц народов» и не стремиться к завоеваниям ради завоеваний. Российскому же монарху, чье «власть и могущество... управляют такую часть света, каковую едва Римляне и прочие завоеватели вселенныя под властью имели» (VII, 442), новые приобретения просто опасны.

В подтексте этих рассуждений, конечно, было несогласие отставного государственного деятеля с определенными внешне-политическими акциями правительства. Кроме безусловно и постоянно осуждавшегося Державиным союза с Наполеоном и сотрудничества с ним в европейских делах, в июне 1810 г. он мог думать о не слишком удачно развивавшейся русско-турецкой войне, ближайшей целью которой было присоединение Молдавии и Валахии. В этом у него были единомышленники, в том числе находящиеся в правительстве. Так, Н.С. Мордвинов, друг А.С. Шишкова и давний знакомый Державина, являвшийся в 1810 г. членом Государственного совета и главой департамента государственной экономии, 25 августа 1810 г. подал Александру I записку «О ускорении мира с турками», в которой высказался против приобретения новых земель. Любопытно, что Мордвинов при этом прибег к сходной с державинской риторике и не обошелся без суждения об «истинной славе»: «Благосостояние империи Российской – единый предмет, достойный отеческого попечения Государя Императора – не требует приобретения Молдавии и Валахии. *Не завоевание новых земель, но сохранение в целостности древнего достояния может токмо доставить славу истинную и хвалу веков* Обладателю половины двух частей мира и упитать к нему любовь и благоговение народное. Пространство империи Российской столь уже обширно, что самое-то расширение соделывает ее слабою против ополчения соединенных Европы сил»¹⁸ (курсив мой. – В. К.). Можно не сомневаться, что этих мыслей Мордвинов придерживался и ранее и мог обсуждать их с Державиным, регулярно встречаясь с ним на литературных собраниях у Шишкова в 1809 и 1810 гг. (см.: VIII, 903–904).

«Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» Державин писал специально для Александра I (хотя она и не дошла по назначению). Ода «Слава» обращена как будто вообще к «царям», но предназначалась в первую очередь

для него же. Главная мысль в этих текстах одна и та же: российскому императору не следует идти по стопам Александра Македонского и Наполеона, они недостойны ни расточаемых им похвал, ни, тем более, тайного восхищения и зависти (в чем Державин, видимо, подозревал Александра I). Он должен заботиться о внутреннем благосостоянии государства и охране его границ. Слава, добываемая «чрез токи крови на войне», сама по себе сомнительна и ужасна для поэта («Подрыв и вражью с треском граду / Не радует души моей...» – III, 50). И если Александру I все-таки суждено стяжать славу победителя на войне, пусть это будет слава защитника отечества. Только этот род воинской славы Державин в оде «Слава» признал бессмертной и несомнительной:

*Во обороне лишь отчизны
Венчает славою война.
Могилы – в жертвенники тризны
Преображает нам она (III, 51).*

Таким образом, в июне 1810 г. интересующая нас ода являлась актуальным политическим высказыванием – агитацией против Наполеона и союза с ним, предупреждением об исходящей от него угрозе, критикой проводимой российским правительством внешней политики, советом обратить все силы на оборону и внутренне благоустройство страны и в особенности на воспитание юношества и попечение о бедных и больных (чему особо посвящена 12-я строфа). Своей одой Державин в очередной раз преподавал урок царю, хотя и вряд ли слишком рассчитывал на его действенность (ведь и деловую записку он озаглавил «Мечты...»).

Духовный смысл оды «Слава» (согласующийся, в частности, со смыслом «Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества») заключается в утверждении идеи Божественного правосудия, рано или поздно, но всегда осуществляющего в земной истории человечества, а не только за ее пределами. Стремящийся к всемирному господству коварный тиран никогда не сможет ни достигнуть своей цели, ни удовлетвориться достигнутым и будет наказан не только в будущей жизни, но и покроется бесславием на земле. «Прямой славой» Бог награждает только добрых и благотворительных государей, старающихся поступать в согласии с заповедями Божьими. Но поскольку абсолютные совершенство,

благо и истина принадлежат единственно Богу, Царю вселенной, истинные слава, честь и поклонение подобают только Ему, о чем и говорится в последней строфе, завершающейся словами Псалтири¹⁹:

*Так, доблесть токмо превосходна
Должна по правде славной быть;
Благотворителя народна
Долг сердцем и устами чтить.
Се солнце Творческой державы
Вещает силу, бездн сквозь тму:
«Бог благ, – один Он Царь есть Славы,
И вся поклонятся Ему» (III, 51).*

-
- ¹ См.: *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснительными примеч. Я. Грота: В 9 т. – Т. 3. – СПб., 1866. – С. 47. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи (римская цифра – том, арабская – страница).
- ² Вестник Европы. – 1812. – Ч. 64. № 16 (август). – С. 302–305. Вместе с одой было напечатано переведенное Державиным с немецкого обращение «К жителям Остзейских губерний». (Там же. – С. 306–309.)
- ³ См.: Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией. – Ч. 6. – СПб., 1813. – С. 181–184; *Державин Г.Р.* Сочинения: В 5 ч. – Ч. 5. – СПб., 1816. – С. 67–71. Три незначительных различия текста 1816 г. с первой публикацией указаны Я.К. Гротом (III, 47, 49).
- ⁴ Имеются в виду издания А.Ф. Смирдина (1831, повторено в 1833–1834), И.П. Глазунова (1843) и Д.П. Штукина, подготовленное Н.А. Полевым (1845). Последний, распределив стихотворения Державина по жанрово-тематическим отделам, поместил оду «Славу» в разделе «Духовные стихотворения» (см.: *Державин Г.Р.* Сочинения / Биография писана Н.А. Полевым. – СПб.: Изд. Д.П. Штукина: в тип. К. Жернакова, 1845. – С. 25–26).
- ⁵ *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – Т. 1. – М., 1999. – С. 240. О времени создания «Певца во стане русских воинов» см. комментарий А.С. Янушкевича. (Там же. – С. 595–598).
- ⁶ Об этих одах см.: *Коровин В.Л.* Державин и 1812 год: О смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества» // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 2012. – Т. 71. – № 6. – С. 42–52. О датах первых публичных чтений и изданий «Гимна» см.: *Морозова Н.П.* 1813-й год в жизни Г.Р. Державина // Державинские чтения: Сб. науч. статей. – Вып. 9. – СПб., 2014. – С. 113–114.
- ⁷ «Пой! – (мир гласит мне горний, дольний) – / И оправдай пути Господни» («Гимн лироэпический...»; III, 138).

- ⁸ «Открылась тайн священных дверь! / Исшел из бездн огромный зверь / Дракон, иль демон змиевидный... <...> А только агнец белорунный, / Смиренный, кроткий, но челоперунный, / Восстал на Севере один, – / Исчез змей-исполин! (III, 139). В примечаниях к этой «таинственной» строфе Державин дал ссылки на Апокалипсис (гл. 11, ст. 9 и гл. 17, ст. 14), но, не желая прямо отождествлять эти образы с Наполеоном и Александром I, пояснил, что в его «Гимне» «под видом змия... разумеется коварство», а «под видом агнца представляется христианская кротость и имеет отношение к тому, что царствующий император вступил на престол под знаком Овна» (III, 138–139).
- ⁹ Точные даты написания этих стихотворений, отмеченные в рукописях, указаны к комментариях Я.К. Грота (см.: III, 42, 52, 56, 61, 68, 73, 75, 78).
- ¹⁰ Об этом стихотворении в интересующем нас аспекте см., напр.: *Ланно-Данилевский К.Ю.* Последнее стихотворение Державина // *Русская литература*. – 2000. – № 2. – С. 146–158.
- ¹¹ В этих строках Я.К. Грот усматривал одно из предсказаний Державина о падении Наполеона (III, 49). Кажется также, что это аллюзия на 36-й псалом (ст. 35–36): «Видех нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры Ливанския. И мимо идох, и се не бе, и взысках его, и не обретеся место его».
- ¹² *Белинский В.Г.* Сочинения Державина <1843> // *Белинский В.Г. Собр. соч.:* В 9 т. – Т. 6. – М., 1981. – С. 17–18.
- ¹³ Об аллюзионном фоне трагедии «Евпраксия» см.: *Альтшуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – Изд. 2-е, доп. – М., 2007. – С. 165–169.
- ¹⁴ См., напр., раздел «Обозрение происшествий» в «Вестнике Европы» за 1810 г. (Ч. 51. – № 11 (май). – С. 247–249; № 12 (июнь). – С. 328–339).
- ¹⁵ Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей / Пер. с греч. Спиридона Дестуниса. – СПб., 1810. – Ч. 1–2.
- ¹⁶ Эта заключительная сентенция очень напоминает фразу военного писателя и державинского приятеля Е.Б. Фукса: «Какую пользу стяжал Александр от завоевания древнего мира? Смерть его все разрушила» (Письма Е.Б. Фукса о последней войне французов с пруссаками // *Вестник Европы*. – 1810. – Ч. 51. – № 9 (май). – С. 17). Майский номер журнала в июне 1810 г. вполне мог оказаться на столе у Державина. Если это не случайное совпадение (что вполне вероятно), это дополнительный аргумент, чтобы уточнить время его работы над предисловием к «Мечтам о хозяйственном устройстве...»
- ¹⁷ Цит. по: *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Полный перевод / [Пер. с древнегреч. С.Ю. Дестуниса]. – М.: Эксмо, 2006.
- ¹⁸ Архив графов Мордвиновых / Предисл. и примеч. В.А. Бильбасова: В 10 т. – Т. 4. – СПб., 1902. – С. 15–16.
- ¹⁹ «Возмите врата князи ваша, и возмится врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь крепок и силен, Господь силен в брани. Возмите врата князи ваша, и возмится врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь сил, Той есть Царь славы» (Пс 23:7–10).